

Я. КЕЛЛЕР

МОДЕРНИЗАЦИЯ - ГУМАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ИЛИ КОРРОЗИЯ БЫТИЯ?

Критические заметки о теории модернизации

КЕЛЛЕР Ян - профессор социологии Остравского университета (Чешская Республика).

Классики социологической мысли (за исключением, может быть, В. Парето) строили свои концепции модернизации на различиях между доиндустриальным порядком (как бы это не описывать или не оценивать) и современными условиями. Позднее, во второй половине XX века, социология продолжила линию развития от сельского к индустриальному обществу и прибавила новую фазу, - постиндустриального (или информационного) общества. В нашей цивилизации, несомненно, есть достаточно эмпирических данных, подтверждающих этот вид типологии.

Односторонность прогресса

Термин "модернизация", несмотря на бесспорное "схватывание" и выражение существенной части перемен, через которые прошло общество в последние века, к сожалению, затемняет ряд других, не менее важных обстоятельств. Такова историческая данность. Социологическая мысль сформировалась частью на источниках Просвещения, а частью на традициях консерватизма. Концепция модернизации коренится в просвещенческих аспектах традиции, погружаясь в них. По существу, она выражает принцип, который уже был выражен в концепции прогресса Просвещения, она заряжена тем же чувством освобождения, что и Просвещение, и, к сожалению, - теми же социальными переживаниями, провалами и недостаточностью.

Даже если теория модернизации, под влиянием обратной стороны "становления прогресса", была вынуждена признать существование множества вторичных и сомнительных последствий модернити, это не привело ее к избавлению от односторонности, которой она страдает с самого начала. Суть в том, что идея прогресса (и теория модернизации как ее наследница) склонна обходить проблему социального характера человека.

Просвещение, с его понятным вниманием к освобождению индивида от тягостных социальных пут традиционного общества, имеет тенденцию недооценки социального аспекта экзистенции, ее поддерживающего характера и значения для подлинного (не только формального) достижения свободы человека. (Возможно, только Маркс сумел концептуально уравновесить эту односторонность, обратившись к значению коллективизма людей, не ослабляя в то же время значения индивида, как это сделали Ф. Теннис и, частично, Э. Дюркгейм). Оценка позитивной функции "социального" остается сферой второй части социологической традиции - ее консервативного течения. Однако в этой интеллектуальной среде представление о социальных аспектах человеческого бытия было деформировано, тенденциозно идеализировано, тесно привязано к отрицательной реакции на Просвещение и подчинено реакционным политическим целям.

Одномерность модернизации

Модернизацию рассматривают прежде всего на экономическом, научном и технологическом уровнях. Это понятно, поскольку в данных сферах развитие принимает наиболее выраженную форму. И в то же время характер этих сфер особенно легко способствует формулированию квантифицируемых показателей развития. Сущность модернизации заключается поэтому в императиве модернизации производства (путем введения новых технологий или новых управленческих и организационных элементов), и в требовании утверждения меритократической системы вознаграждения.

Когда же теория модернизации останавливается на социальных институтах, межличностных связях или ценностных предпочтениях, она всегда переходит от всеобщего точного описания к декларативным пожеланиям типа: *Содержание модернизации должно обязательно включать гуманистический, экологический и социальный аспекты.*

Должен ли процесс модернизации действительно включать эти аспекты и как на деле их включать, - теория модернизации нам не говорит. Неспособность выводить желательные социальные, гуманистические, экологические и другие элементы из процесса модернизации тем более опасна, что эта концепция предназначена служить ядром определенного политического концепта. Политическая интенция теории модернизации очевидна. Ее назначение - соединить формальную демократию и рыночную экономику с социальной отзывчивостью, которая, в числе прочего, гарантировала бы социальное примирение. Это ядро концепта "третьего пути". Только в этих условиях левоцентристская ориентация в политике может считаться частью и конституирующим элементом всего потока модернизации. Говоря откровенно, концепция третьего пути верит, что капитализм способен на реформирование, что экспансия частной прибыли - принципа, не входящего в обоснование гуманистических или экологических взглядов - может быть "окультурена" и использована во благо гуманизации всего общества, во благо решения экологических проблем и т.д. И именно в теории модернизации находят подтверждения такой веры.

Сейчас вопрос в том, можно ли действительно найти в процессе модернизации ключ к поддержанию такого компромисса между силами эксплуатации во имя прибыли, пытающимися перейти все существующие границы, и принципом социальной и экологической ответственности - помехой для этих крайне экспансивных сил. Я попытаюсь показать, что концепция модернизации не обещает подобного компромисса.

Развитие понятия «социальное».

Так же исторически, как формы экономики (домохозяйства, городская, патримониальная, государственная и глобальная экономики), развивалась и форма социального бытия. Оно менялось в отношении образа действий, способа, которым данное общество обеспечивало нужды своих индивидов, особенно когда они оказывались в критических условиях.

Классическая (простая) модернизация в этом отношении означает движение от мира домохозяйства к миру формальной организации. Та сама модернизация, которая сломала традиционную домохозяйственную форму социального существования, создала свою синтетическую и более эффективную (благодаря большей специализации и профессионализации) форму в виде организаций. Пиком этой трансформации стало создание архитектуры "социального государства".

Такая трансформация подвергается двойной критике. С одной стороны, отмечено, что отношения к социально нуждающимся были деперсонализированы и формализованы. Часть позитивных функций социального сектора как бы утрачивалась в результате бюрократизации созданных институтов. Уже здесь модернизация, с ее императивом роста эффективности, проявляется в своей сомнительной форме, будучи приложена к социальной сфере. Однако невозможно (и, конечно, даже нежелательно), вместе с модернизацией экономики, науки, технологии удерживать и далее социальные отношения в их архаичной, традиционной, домодерновой форме. В этом смысле критика с консервативной точки зрения деперсонализированного мира организаций предлагала лишь иллюзию решения.

С помощью организаций стала возможной первая атака современности на социальную сферу, но это вызвало в то же время резкую критику из лагеря чистого либерализма. Либералы критиковали эффективность социальной защиты, достигнутой через организации, не в сравнении со старым миром домохозяйства, а, скорее, в сравнении с миром организаций, ориентированных исключительно на прибыль. С этой точки зрения, вся конструкция социального государства поражала их присущей ей чрезмерной неэффективностью и расточительностью. Победа нелиберализма в середине 1970-х годов ускорила кризис социального государства и поставила принцип организаций и всей "организованной современности" под прямой удар.

Этот конфликт не остался только на уровне идеологии. Сильное давление, генерируемое в сфере экономики, разрушило формальные организации и заменило их "сетями". В результате такого давления вера в прогресс, связанная с модернизацией с XVIII в., и даже в 1950-х годах оцениваемая как кредо среднего класса, была заменена ссылкой на "жесткие законы экономики", которых, в соответствии с неodarвинизмом, следовало держаться, несмотря ни на какие жертвы.

С переходом от организаций к сетям эффективность труда резко возросла, впрочем, как и безработица. Головокружительно росли планки успеха одних, но одновременно и уровни незащищенности всех. Везде, где бы ни произошла замена организаций сетью, иерархический контроль заменялся анонимным, рыночным контролем. Секрет высокой степени эффективности сетей связан с переходом от отношений, кодифицированных в законах о труде, к отношениям, действующим по коду коммерции. Это значительно уменьшает пространство переговоров для бывших работников, существенно повышая уровень их незащищенности.

Фундаментальный вопрос таков: является ли переход от мира организаций к миру сетей дальнейшим логическим шагом в процессе модернизации? И если так, каковы его последствия для социального сектора?

Есть ли у нас какое – либо представление о модернизации социальной сферы?

С небольшим колебанием ответить на первый вопрос можно положительно. Переход к сетям движим ключевыми приоритетами модернити. Важную роль в этом играли новейшие (по преимуществу информационные) технологии, принцип высокой эффективности и стратификации, основанные на квалификации и достижительности.

В то же время, однако, мир сетей порождает драматические сомнения в социальном порядке, который современная эпоха провозглашала как некий компромисс в попытке и дальше поддерживать социальное бытие средствами, отличными от традиционных. Высокая степень эффективности социальных сетей базируется на экстернализации издержек, связанных с действиями индивидуальных участников. Каждый индивид обязан повышать свою способность быть нанятым и расширять портфель своих проектов (планов). Если кто-то по каким-то причинам неспособен к этому, он быстро маргинализируется и исключается из социальных связей, перемещаясь в определенную страту, что снижает способность восприятия нового и предложения проектов.

И другая проблема: в мире, в котором воспроизводство было основано на домохозяйстве, социальное существование поддерживалось преимущественно через поддержку домохозяйства. Это также относилось и к миру организаций. Возможно ли, однако, поддерживать социальное существование через сети, если способ их функционирования фактически основан на экстернализации социальных издержек? Каким в этом отношении должно выглядеть социальное государство? И на чем может быть основано государство такого рода, если мы знаем, что мир сетей полностью совместим с процессом глобализации, который во многих отношениях подавляет государство силой? Даже А. Гидденс, призывающий в период углубления кризиса социального государства к развитию, формирующему государство социальных инвестиций, не дал бы ответа на этот вопрос.

«Туннель» третьего пути.

Предполагается, что теория модернизации включает поддержку призыва к освобождению, который в 1960-х годах выдвинули некоммунистические левые. Тогда левые оформили стремление к освобождению наемных работников в призывах к большей автономии, спонтанности, мобильности, открытости инновациям, творчеству, отзывчивости к различиям, неформальности и преодолению иерархии.

Государственный социализм на Востоке отверг эти призывы как ревизионистские и продолжал строить социальное государство, которое было в высшей степени полицейски защищенным, но в то же время достаточно скромным в материальном отношении. Напротив, сфера бизнеса на Западе проявила необыкновенную чувствительность к вышеупомянутым призывам и фактически использовала их для перехода от мира организаций к миру сетей.

Призывы левых, таким образом, не привели к освобождению работников, но вместо этого, как показал французский социолог Люк Болтански, они парадоксальным образом были использованы для наращивания частной прибыли сверх пределов, вообразимых до этого времени. Когда левые критики мира организаций требовали одновременно большей автономии и гарантий защищенности, предприниматели великодушно уступали в вопросе автономии. Однако это происходило за счет все большего ослабления защищенности. Так появлялся на свет мир сетей. Большая автономия была использована преимущественно для повышения частной прибыли тех, кто был способен действовать в высшей степени творчески, мобильно и без каких-либо обязательств в отношении других. Именно эта конфигурация привела к оформлению содержания победоносного неолиберального призыва к большей свободе. Прославленная гибкость, однако, делает возможным перекалывание большей части тягот рыночной незащищенности на плечи наемных работников, посредников и обслуживающего персонала.

Социальное государство, которое было переходным историческим компромиссом между хищническими силами рынка и обязательством социальной ответственности общества за своих членов, предоставляет значительную поддержку переходу от организаций к глобальным сетям. В результате оно создает среду, в которой постоянный рост расходов экстернализованных сетей должен покрываться постоянным снижением объема ресурсов. Требование дальнейшего снижения налогового бремени на население - типично для мира сетей.

Что же в этой ситуации остается от призыва к "третьему пути"? - Призыв к большей солидарности в ситуации, когда солидарность все больше делается невыгодной, и в то же время шансы, что она возродится, уменьшаются. (В мире домохозяйств и организаций этот шанс во многих отношениях был гарантирован, а в мире сетей - нет.) Надежда на то, что дальнейший рост обеспечит увеличение средств для нуждающихся в ситуации, когда один за другим прежние механизмы перераспределения благ и услуг для нуждающихся ослабляются (среди прочего и как следствие глобализации, которая привела к тому, что границы принятия решений в политике и экономике перестали совпадать). Призыв к построению более сплоченного общества раздается в ситуации, когда технические параметры сети работают против форм сплочения, создававшихся параметрами формальных организаций. И, наконец, уже упомянутый призыв к модернизации социального государства, которому следует становиться все менее расточительным, раздается в ситуации, когда у него и так все меньше становится того, что можно распределять.

Модернизация как разрушение социальной сферы.

Вполне возможно, что процесс модернизации неизбежен и имеет природу закона. Неизбежность и закономерность, возможно, были скрыты в наступлении постмодернизма, который только на очень поверхностный взгляд может представляться производным коллажем. Вероятно, что модернизация дает возможность рационального прозрения будущего. Одно из рациональных прозрений, может быть, примет форму картины саморазрушающего характера модернизации. Модернизацию уже прерывали в прошлом экономические и политические кризисы. И будучи скорее не просто поверхностным фактором, эти кризисы, напротив, были чем-то, что проистекало, в общем, органически и напрямую из модерни. Что, если это были не временные муки родов, а фактически первые признаки коллапса, к которому с растущей скоростью направляется модернизованная система? Что, если модерни, как и рынки, действует не как балансир, а скорее, по словам Джорджа Сороса, как ядро разрушения, раскачивающееся по собственной инерции?

По сути, систематически сносится и разрушается в процессе модернизации прежде всего социальная сфера. Даже не поддаваясь ностальгии консерваторов, можно все же утверждать, что модернизи уже на своих ранних стадиях безвозвратно разрушила мир домашнего хозяйства как центр традиционных форм в социальной сфере. Два века спустя (опять под девизом большей эффективности) она разрушает мир формальных организаций и переделывает его форму в чрезвычайно нестабильную среду постоянно неустойчивых сетей. Часть населения при этом выигрывает, так же как в прошлом другие выигрывали при переходе от домохозяйств к организациям. Однако остальная часть теряет даже то, что им было гарантировано в эпоху организаций. Небольшое число способных индивидов "вылетают" из демонтированных организаций в мир сетей, где они поднимаются выше, чем это было возможно для них даже на самой высокой организационной платформе. Остальные теряют точку опоры и падают ниже "первого этажа" бывших организаций во все увеличивающийся сектор маргинальных и исключенных индивидов. Есть ли основания считать это родом временной неудачи или исправимой ошибкой модернизации? Может быть, как раз наоборот: это ее кульминация? Разве оптимизм автоматически признак объективного мышления?

Среди различных интерпретаций природы модернизации, конечно, можно искать эмпирические индикаторы, опровергающие ту или иную версию. Необходимо было бы попытаться определить, в какой степени, например, высокий уровень безработицы в развитых европейских странах и растущая бедность среди части ее населения являются следствием низкого уровня модернизации, и, наоборот, насколько это следствие высокой фазы процесса модернизации.

Утверждение, что модернизация всегда развивалась за счет доминирующих единиц воспроизводства в социальной сфере, ни в коей мере не метафизично по своей сути. Вероятно, можно попытаться измерить степень, в которой экономический сектор общества в настоящее время передает свою "экстернальность" в секторы вне экономики (домашнее хозяйство, организации, социальное государство). И в то же время, насколько он лишает эти единицы основания благодаря обозначению их как *старомодных, неэффективных и расточительных*.

Такой тип исследования мог бы показать тот способ, которым институты, ответственные за социальную политику, социальную защиту, социальные инвестиции и солидарность, образуют "органический компонент модернизационного процесса", и показать, до какой степени они являются лишь остатками чего-то, что процесс модернизации, при всей эффективности и амбициях, пока не смог полностью исключить из игры.

Перевод ИЛ. ПОПОВОЙ, Н.В. РОМАНОВСКОГО